

УДК 72.033

ББК 85.11

DOI 10.18688/aa2313-2-15

О. В. Баева, А. Ю. Казарян

Дворцовые постройки Ани. Предварительные итоги изучения¹

Введение

Ани — расположенное на восточной границе Турции средневековое городище, где наряду с мощными фортификационными сооружениями и частично сохранившимися церковными постройками представлены также остатки жилых и дворцовых сооружений. Как и во всяком средневековом городе, храмы составляли основной массив монументальной архитектуры Ани. Однако власти этого столичного города уделяли значительное внимание дворцам, а также большим и малым домам, включавшимся в застройку кварталов, и пещерным жилищам, которые, в отличие от наземных, почти полностью сохранили свои композиции.

Этот большой город, служивший в 961–1045 гг. столицей Армянского царства и позже являвшийся крупнейшим административным центром Армении, опустел к XV в. и затем превратился в ценный памятник искусства и археологии. Таким Ани предстал уже перед европейскими путешественниками, посещавшими его с XVIII в., а затем и перед учёными, оценившими не только многочисленные видимые над поверхностью земли руины зданий, но и культурные слои, которые соответствуют эпохам расцветов и угасания жизни. Во все времена над городом возвышалась цитадель или вышгород с дворцом анийских царей-Багратидов.

На территории так называемого Нового города, где происходило основное развитие застройки, располагались дворцы знати. Некоторые из них к началу планомерного исследования городища дошли в неплохой сохранности или были фрагментарно раскопаны экспедицией под руководством Николая Яковлевича Марра в 1892–1893 и 1904–1917 гг., снаряженной Императорской археологической комиссией в годы нахождения Ани и всей Карсской области в пределах России [10; 11]. С тех пор состояние остатков этих сооружений значительно ухудшилось, а собранные в Музее и хранилище анийских древностей ценнейшие артефакты после их разгрома вторгшейся в 1918 г. на территорию городища турецкой армией в большинстве своём утрачены.

Зависимость историков архитектуры от данных археологии и нерегулярность археологических работ в Ани предопределили чёткую периодизацию историографии изучаемого вопроса. Публикации начала XX в. ежегодных отчетов Анийского археологического института содержат ценные, основанные на фактическом материале сведения о дворцовых постройках. Большинство обмеров, а также реконструкции дворцовых

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354, <https://rscf.ru/project/22-18-00354/> «Архитектура и монументальное искусство Ани как феномен мировой художественной культуры. Становление столичной школы армянского зодчества X–XIV вв.» в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете (НИУ МГСУ).

сооружений и их порталов принадлежат Торосу Тораманяну, именно они в дальнейшем публиковались в работах других авторов. Не будучи непосредственным участником экспедиций, Т. Тораманян базировался в Ани, поддерживал тесные деловые отношения с Н. Марром и последовательно изучал армянскую архитектуру. Его мысли о дворцовых сооружениях представлены, в частности, в статьях 1910-х гг. в армянской периодике — «Раскопки цитадели Ани» (1908), «Город или крепость Ани?» (1912), «Царские и княжеские дворцы Армении и их внутренний быт» (1917) и совокупно сведены в сборнике его трудов [16, Т. 1, с. 323–378]. Ценными являются реконструкции Тораманяна порталов анийских дворцов и особенно гостиницы, в которой «... мозаика резных звезд, ромбов, крестов, многоугольников разнообразного рисунка сочеталась с барельефами сфинксов, драконов и барсов» [14, с. 45–46].

Через много лет после закрытия и эвакуации Анийского археологического института, произошедших в 1917 г., Марр издал первую монографию, обобщив работу своей экспедиции в Ани [10], а последователи Тораманяна подготовили и опубликовали сборники его трудов по истории армянской архитектуры, в значительной мере связанных с анийской тематикой [16]².

В дальнейшем вопросы о дворцовых сооружениях Ани рассматривались в исследованиях 1960-х — 1970-х гг., посвящённых архитектуре Ани или гражданскому зодчеству Армении. За исключением Н. М. Токарского, участника Анийской экспедиции, их проводили учёные, лишённые возможности посещать сами памятники, но внесшие весомый вклад в систематизацию и осмысление материала [1, с. 24–33, 71–76; 15, с. 186–187, 256–263; 18, с. 102–109, 207–209].

В 1990-х гг. были возобновлены раскопки, на этот раз турецкими археологами, с некоторым привлечением европейских специалистов. В статье 1992 г. Б. Карамагаралы опубликовал уточнения о сооружении, именовавшемся дворцом Парона, а в нынешней турецкой литературе — Сельджукским дворцом [21]. Последовавшая реставрация этого здания сильно изменила его облик, затруднив дальнейшее натурное изучение.

Вокруг дворцов Ани существовало множество домыслов, которые касались их датировок и принадлежности правителям той или иной национальности. Выяснить это порой очень сложно. Можно только предполагать, что, как и в случае с культовой архитектурой, большинство заказчиков дворцов являлись армянскими царями и приближенными ко двору князьями.

К дворцовому сооружению в XIX в. относили и баню, которую раскапывал Марр в 1892 г., в ходе первой экспедиции Императорского археологического общества. Допуская изначально дворцовую функцию этой постройки, ближе к концу работ он убедился в том, что имеет дело с баней.

К началу нашего века относится ряд альбомных и справочных публикаций по архитектуре Ани [7; и др.]. В них освещается материал новых архивных и полевых исследований, в том числе по дворцам, но не решаются стоящие проблемы и не выдвигаются новые, давно назревшие. В ситуации длительного перерыва в изучении архитектуры Ани представляется полезным обзорное исследование всей совокупности дворцовых сооружений, позволяющее понять масштаб и качество явления и осознать степень нерешённых задач. Это, а также краткое обращение к историографии дворцовых по-

² Многие вопросы истории, архитектуры, скульптурной пластики Ани последовательно решаются. Другие, например в области монументальной живописи, пока находятся на начальной стадии [9].

строек Ани в нашей предыдущей статье [2], привело к осуществлению широкого обзорного исследования именно этой части архитектурного наследия. Наблюдения и в небольшом объеме осуществлённые нами обмеры на разных памятниках позволяют в ближайшее время вновь обратиться к данной теме.

Дворцы Ани дают нам уникальную возможность изучения в границах одного города типологически и стилистически разных построек. Исследование приближает нас к раскрытию особенностей эволюции гражданского зодчества и позволяет проследить определённую, но далеко не абсолютную преемственность планировочных решений и художественных подходов. Среди прочих вопросов мы обратимся и к датировкам рассматриваемых памятников, которые не подкреплены документальными свидетельствами и могут определяться только на основе соответствия их развитию стиля средневековой армянской архитектуры в его анийском, столичном варианте на определённых исторических этапах. Этот вопрос представляется сложным, поскольку для некоторых эпох, таких как эпоха Закаридов, условно включающая время с конца XII до середины XIV в., выявление отдельных периодов эволюции стиля, успешно начатое ещё Н.М. Токарским [15, с. 259–263 и др.], возрождается лишь в последние годы [4; 5; 6; 8].

Царский дворец Багратидов

Архитектурный комплекс дворца царей Багратуни занимает самую высокую часть вышгорода Ани. В результате его раскрытия раскопками кампаний экспедиции Марра в 1907 и 1908 гг. предстала картина многослойного, часто перестраивавшегося памятника. Марр отмечает, что от дворца имеются «жалкие остатки», поскольку он неоднократно подвергался разрушениям и воздействию пожаров. Очевидно, что основные постройки комплекса были созданы в X–XI вв. при анийских царях, возможно, на основаниях дворца Камсараканов, владевших крепостью в VII в. Более того, одна из стен этой цитадели, отнесённая Марром к деятельности этих армянских князей, собрана из больших, во вторичном использовании набор уложенных камней античной эпохи: блоки содержат гнёзда в виде так называемого ласточкиного хвоста [10, с. 49]. Дворец царей Багратуни, в свою очередь, перестраивался, а его залы получали новое оформление вплоть до XIII в. [10].

В состав дворца была включена церковь, которую Марр относил к периоду князей Камсараканов и называл древнейшей. Приводимая аргументация весома, но памятник требует обстоятельного изучения. Когда возводился Багратидский дворец, а его Марр датирует X–XI в., церковь уже существовала [10, с. 49–53].

Дворец был разделён на две части коридором длиной в 59 м. Главный вход располагался с запада, над отвесной скалой. В южную часть дворца, где находилась церковь, вёл всего один узкий ход, выходивший в зал с каменным полом и водоемами. Потолок зала был деревянным, с росписью растительного и геометрического характера. Этот зал был расположен над цистерной [10, с. 67–68]. Как и сам город, Вышгород снабжался водой, подводившейся с соседней горы по керамическим трубам. Водопровод, который обеспечивал подачу воды в баню и парадные залы, на территории дворца имел участки, собранные как из глиняных труб, так и из железных [10, с. 67–68, 76–77, 117].

Северная часть дворца, расположенная по другую сторону коридора, была двухэтажной. Нижний этаж состоял из ряда служебных и жилых помещений. В некоторых комнатах были колодцы-кладовые. Один из проходов из основного коридора вёл в

крестообразный зал с длинными рукавами, который, по предположению О.Х. Халпахчяна, мог служить судилищем [18, с. 102]. Зал был вымощен тёсаными плитами. Здесь были обнаружены остатки расписных досок.

Парадные залы размещались на втором этаже, по краям северной половины дворца. Их было три: в северо-западном углу, северо-восточном углу и на востоке. Их пол находился в уровень плоской кровли нижних помещений, которая могла служить двором или верандой. Сегодня с трудом определяется принадлежность основания некоторых стен дворцовых залов (Илл. 42). Однако все три зала достаточно подробно описаны участниками первых раскопок и другими исследователями [16, Т. 1, с. 323–378]. Каждый из этих залов интересен своеобразием композиции, архитектурными и декоративными деталями.

Богатством отделки интерьера отличаются два из них — северо-восточный и восточный или «базиликальный». В первом из них примечательна база колонны, имеющая аналогию с храмом царя Гагика Багратуни, возведённым зодчим Трдатом около 1001 г. В результате перестройки в XII–XIII вв. зал приобрёл отделку из гипсовых (гаджевых) плит с изображениями зверей и сборные гипсовые решетки на окнах. Во втором — «базиликальном» — зале два ряда деревянных колонн поддерживали деревянное перекрытие. В отделке зала использовалась резьба по дереву. «Нам казалось легендарным преувеличением, когда в старых армянских книгах мы читали о золоченных покоех в анийских княжеских дворах; остатки украшения базиличного зала устанавливают, что это отражение действительности» — пишет Марр, указывая на золоченную гипсовую отделку и на роспись стен с изображением садов с цветами, всадников, фигур знатных особ [10, с. 69].

Особое внимание следует уделить северо-западному залу царского дворца³ — единственному торжественному сооружению, стены которого были выложены из чисто отёсанных блоков туфа, а не из грубо отёсанных камней. Ещё до проведения раскопок сохранялся фрагмент северо-восточного угла этого зала, с кладкой пилона и началом высящихся над ними арок [10, с. 66, рис. 105; 7, ил. 8–9]. Две из фотографий этого фрагмента памятника имеют авторство Арама Вруйра. Одна из них запечатлела Марра у этого массива кладки [3, фото после с. 96], вторая датирована 1907 г. [17, табл. XXV], что подтверждает обрушение фрагмента не ранее этого года. Обмер плана, скупые описания, данная фотография и, что самое важное, присутствие развалившихся фрагментов кладки на месте позволяют в значительной мере представить архитектуру этого зала. Среди этих фрагментов — импосты от отмеченного северо-восточного пилона и от одного из средних, скорее всего, подкупольных пилонов (Илл. 43–44). По утверждениям историков архитектуры, он служил трапезной [18, с. 103], однако доказательств такому суждению пока не обнаружено.

Планировка зала, представляющая собой прямоугольник со сторонами 1×2 (10,65×20 м) с парой пилонов при продольных стенах и парой пилонов в углах, напоминает структуру наоса храмов типа купольного зала, самых распространённых в армянской архитектуре, а также сводчатых однефных церквей, одна из которых включена была в структуру анийского дворца Багратидов. С другой стороны, очевидна аналогия этого плана залу с пристенными пилонами в дворцовом комплексе Звартноца (середина VII в.), где вдоль стен располагалось по три пилона, с частой их расстановкой и

³ Тораманян называл его первым залом, когда имел в виду торжественные залы второго этажа.

несением поперечных арок, поддерживающих цилиндрический свод. В анийском зале количество и расположение пилонов схоже с купольными залами. По этой причине, необходимо согласиться с уверенностью Тораманяна в том, что квадратная ячейка в центре зала была увенчана куполом [17, с. 54, 168]⁴.

В духе анийской архитектуры последних десятилетий X – самого начала XI в. пилоны северо-западного зала структурировались уступами или лопатками, и вертикальные членения дополнительно подчеркивались оформлением каждого выступающего угла рельефной колонкой в $\frac{3}{4}$ цилиндра. Размещенные вдоль продольных стен арки соединяли соседние пилоны между собой, формируя ряд сводчатых ниш, арки, перекинутые в поперечном направлении, соединяли противоположные опоры. Подобные структура и, как может на первый взгляд показаться, стилистика, применялись и в следующую эпоху расцвета анийского зодчества. Однако телесность форм пилонов и арок, а также профилировка и орнаментация массивных импостов со всей очевидностью указывают на сооружение этого зала ещё в эпоху Багратидов. Изучение импостов на месте выявило два их типа. Первый, более простой, сформирован профилировкой, состоящей из последовательности узких ступенек и широких валов, с завершением полкой над гладким скосом. Второй тип в нижней зоне содержит ряды упрощенно стилизованных волют, с рядами концентрически обработанных кругов на лицевой стороне. Импосты такого типа, в более крупном масштабе и с более сложным набором орнаментальных форм впервые появляются в соборе Аргины, а затем применяются в различных вариантах в церкви Сурб Григор Абугамренц и на порталах Анийского кафедрального собора, то есть в памятниках 70–90-х гг. X в., по достоверным сведениям или предположительно связанных с творчеством зодчего Трдата⁵. Вполне естественно, что именно северо-западный зал царского дворца, в отличие от остальных помещений, построенных из грубо отёсанного камня, не был украшен ни росписью, ни гипсовыми плитками, на что обращает внимание Марр, резюмирующий описание интерьера словами: «Зал и внутри, и снаружи отличался благородною красотою архитектурных линий, арок, пилястров и других деталей» [10, с. 70]. Торжественный характер залу придавал ряд огромных проёмов, каждый шириной в 2,5 м, расположенных в северной стене и предоставляющих обзор всей Ширакской равнины: Тораманян размышляет о том, что эти проёмы не были ни дверьми, ни окнами [17, с. 56, 155, 168].

Дворец на вышгороде, как и его отдельные постройки, не имеют подобий ни в Армении, ни за её пределами, насколько об этом можно судить по известным нам материалам. Сложный рельеф вершины холма и одновременные перестройки дворца Багратидов в Ани явились причиной нарушения правильной геометрии плана. Но отдельными чертами этот комплекс перекликается с армянскими дворцами V–VII вв. в Двине, Звартноце и Аруче. К ним можно отнести сочетание кладок из чисто и грубо отёсанного камня, применение деревянных опор и перекрытий, наличие больших залов, в числе которых и базиликальные, и сводчатые на подпружных арках, наличие декорированных входных порталов, внутренних дворов или открытых галерей.

⁴ В своей другой статье, заново опубликованной в том же сборнике, Тораманян называет этот зал купольным храмом на четырех арках [17, с. 155].

⁵ Развитие исследования северо-западного зала предполагается нами в рамках отдельной статьи, где будут также опубликованы осуществленные в ходе экспедиций 2022–2023 гг. обмеры импостов.

Дворцовый зал на месте мечети Мануче

Кратко необходимо упомянуть о здании мечети Мануче, то есть мечети, названной по имени первого мусульманского правителя Ани Мануче, происходившего из правившего в Двине курдского рода Шаддадидов. Это — большой зал, построенный на мощной сводчатой субструкции и высокой подпорной стене⁶. Два ряда круглых колонн, а также пристенные пилястры и соединяющие опоры мощные арки делят пространство зала на квадратные, в центральном нефе прямоугольные, пространственные зоны, каждая из которых перекрывается неповторимым вариантом сложного свода. Представлению целостности и масштаба архитектурного замысла мешают встроенный минарет и разрушившаяся северная сторона. До сих пор остаются нерешёнными вопросы первоначального функционирования постройки, фаз строительных периодов и поэтапных реконструкций.

Есть все основания полагать, что не только при основании этой постройки в эпоху Багратидов, но и после масштабной перестройки, произошедшей, предположительно, на рубеже XII–XIII вв., она служила торжественным залом — либо принадлежавшим католику, как предполагалось на заре исследований Ани, либо выполнявшим какую-то общественную функцию. На открытке начала XX в. рядом с фотографией этого здания присутствует сопроводительная надпись на армянском языке «Патриархат». И.А. Орбели предполагал первоначальное назначение здания в качестве таможни, учитывая его местонахождение у ворот Старого города и вблизи въезда в Ани по большому однопролетному мосту через Ахурян [13, с. 6; 1, с. 79].

О дворцовом характере архитектуры этого зала свидетельствует его открытость в сторону ущелья реки Ахурян широкими и высокими проемами. Присутствием этих проёмов, начинающихся почти от пола помещения, архитектура зала проявляет сходство с северо-западным залом дворца Багратидов, что подтверждает именно дворцовый характер памятника. Кроме того, стена с проёмами обращена на север, где, в случае строительства мечети, следовало бы ожидать размещения михраба. Однако михраб, который грубо вытесан в виде плоской ниши в западной стене зала, отсутствовал даже в раннюю эпоху Закаридов, а минарет был встроен в юго-восточном углу здания не ранее начала XIV в. Во всяком случае, на это указывают его архитектурные детали и резной декор. Многоколонное здание над сложной сводчатой субструкцией, связанной с Ашотовыми стенами, с роскошными потолками разнообразных форм и полихромной выкладки, заслуживает отдельного внимательного исследования, учитывающего археологические разыскания начала и конца XX в., а также результаты работ по реконструкции здания в музей экспедицией Марра в начале XX в. и работы по консервации, осуществленные турецкими реставраторами во главе с Я.И. Озкая около 2008 г.

Два других дворца, известные на территории Нового города, принадлежали влиятельным и, несомненно, богатым вельможам, — князьям или успешным коммерсантам, таким как, например, являлся аниец Тигран Оненц, жертвователю на строительство и восстановление церквей, благотворителю монастырей в начале XIII в. По стилистическим особенностям эти две постройки относятся к эпохе Закаридов, которая началась в конце XII и продолжалась, условно, до середины XIV в. При отсутствии каких-либо документальных сведений об этих постройках, уточнение их датировок должно основываться на обстоятельном стилистическом анализе.

⁶ Из последних археологических работ можно отметить исследование Б. Карамагаралы [22].

Дворец Парона

Под таким названием упоминается дворцовый комплекс, расположенный у отвесного ущелья Анийской речки (Аладжа-чай), вблизи западного края Смбатовых стен города. Еще в первой половине XIX в. «...это были единственные чертоги, которые уцелели промежду многих церквей. Они касались с одной стороны городских стен, с другой спускались многими ярусами, по отвесному берегу Алазы, усеянному также развалинами. Фронтон их был украшен шахматными плитами; большие ворота открывали вход во внутренность здания, быть может, караван-сарая или жилища каких-либо вельмож, но конечно не Царей, по соседству городской стены. Мне бы хотелось назвать его чертогами знаменитого рода Пахлавуни, славного полководца Ваграма или племянника его Григория Магистра, ибо приятно одушевлять живыми именами безжизненность развалин» [12, с. 284–285]. Мысли А. Н. Муравьева в начале XX в. как будто продолжает И. А. Орбели, считавший, что «это дом или дворец какого-нибудь князя или парона» [13, с. 36]. Монументальность архитектурного образа, очевидно, явилась причиной именованя этого дворца замком и даже предполагать о его защитной функции на продолжении «великой двойной стены», то есть Смбатовых стен [25, с. 307]. Альтернативное, не получившее поддержку предложение называть здание дворцом сельджуков, было выдвинуто турецкими исследователями [21].

Компактно спланированное в пределах неправильного шестиугольника (ввиду участка на сложном рельефе) и обобщённое непрерывной внешней стеной, здание имеет двухэтажную структуру, устроенную над высокими сводчатыми подвалами. Руинированное и опасное для хождения по внутренним помещениям [13, с. 35], оно все же еще ко второй половине XX в. сохранялось в достаточной мере для того, чтобы можно было составить полное представление о пространственной и объёмной композициях. Произведенная в 1999–2000 гг. реставрация привела к замене обветшалых стен большими участками новодельных и к исчезновению важных архитектурных деталей и даже некоторых проемов [24; 7, ил. 91–111] (Илл. 45).

Всем своим объёмом дворец обращён в сторону ущелья, а входом и основными этажами — к городу. Двухъярусная порталная композиция — единственная крупная архитектурная форма, контрастно выделяющаяся на фоне гладких, никак не расчленённых стен. Она приглашает в покои основного яруса, которые сгруппированы вокруг большого квадратного зала. Планировка второго этажа повторяла первый, поскольку посередине высоких стен, местами достигавших оригинальной высоты, имеются гнёзда от деревянных балок межэтажного перекрытия. В. М. Арутюнян усматривает сходство планировки с дворцом в Гегути, построенным грузинским царем Георгием III около 1156 г., что, по его мнению, служит дополнительным аргументом в пользу отнесения дворца Парона к периоду правления Закаридов [1, с. 73]. Примечательно, что дворец был и резиденцией царицы Тамары, вассалом которой являлся Закаре. Остается загадкой, мог ли именно он построить этот анийский дворец для своего пользования, или он всё же резидировал в царском дворце на вышгороде?

В стенах разных помещений присутствуют маленькие ниши, которые можно встретить в частично сохранившихся жилых домах анийцев. Две такие ниши с узорчатыми завершениями из черного туфа созданы по сторонам от центрального проёма второго яруса. Внизу, по сторонам от входа, также присутствует пара ниш, фланкирующих входной проём. Чёрным камнем обрамлены и сами проёмы в обоих ярусах. Полихро-

мия, как это видно, применялась не только снаружи, но и изнутри. Не означает ли это, что в помещениях оштукатуривание изначально не предполагалось? Утвердительному ответу противоречит свидетельство Орбели о наличии следов штукатурки на стенах второго яруса [13, с. 35].

Реже встречаются остатки ниш, начинающихся от пола выдвинутым округлым основанием-подставкой. Большая плоская ниша с роскошным обрамлением, называемая традиционно камином, на камин не похожа (Илл. 46). В композиции ниши выделяются три формы: стрельчатая арка на пилястрах, прямоугольная профилированная и украшенная рельефной цепью рама⁷, заполнение поля между аркой и рамой орнаментом из шестиконечных звезд и шестиугольников. Поскольку старого фрагмента в этом поле не сохранилось, в правильности такой реставрации могло бы закрасться сомнение. Однако старый вид этой архитектурной формы со стоящим рядом Марром, опубликован в книге В. М. Арутюняна, посчитавшего её, вслед за Орбели, одним из внутренних дверных проёмов. Впоследствии заложенным [1, с. 73, ил. 50]. Следовательно, вопрос о назначении этого «портала» требует выяснения.

Наиболее интересная тема в архитектуре здания — порталная композиция, объединяющая устроенные по одной вертикальной оси два фактически самостоятельных, поставленных друг на друга портала, относящихся к армянской интерпретации типа восточного пештака (Илл. 47). Заслуживает внимания уже сама идея объединения двух порталов. Оба проёма обрамлены профилем, аркой над пилястрами, в обоих порталах и поле тимпана, и поле между арочной структурой проёма и внешней профилированной рамой покрыты орнаментами из геометрических фигур разного цвета камней. Кроме красноватого охристого туфа, из которого выложены стены здания, в порталах присутствуют вставки из красного и чёрного камня и коричневый камень, из которого выложены все обрамления и архивольты. На нижнем портале рама и архивольт, а также составляющие инкрустированные поля восьмиконечные красные звезды и черные крестики украшены тонкой, изысканно красивой резьбой — плетеными геометрическими и растительными орнаментами. «Один за другим следуют разнообразные узоры, говорящие не только о прекрасной технической выучке, но и о неистощимой творческой фантазии», — такой восторженный отзыв оставляет Н. М. Токарский [15, с. 260]. С этими полихромными композициями перекликалось во втором этаже «окно под стрельчатой аркой на поле шахматной кладки чисто тёсаных розовых и чёрных камней. Внутри дворца имеется одна дверь, украшенная таким же образом» [13, с. 35]. В непосредственном соседстве порталной композиции аккомпанируют сталактитовые тромпы, устроенные над скосами углов по сторонам от нижнего портала. Остается добавить, что аналогичные порталные композиции, с несколько более усложненным декором, присутствовали на фасаде анийской гостиницы, раскопанной Марром и реконструированной Тораманяном [10, с. 71–72, табл. XXV]. Вообще близкие композиции встречаем в двухъярусных армянских церквях-усыпальницах и в своеобразной вариации — на фасадах редких жаматунов, таких как в Ованнаванке или в Нораванке. Однако только в этом анийском дворце и упомянутой анийской гостинице присутствуют поставленные друг на друга почти идентичные композиции.

Субструкцию здания подробно исследовал Б. Карамагаралы, приведя детальные

⁷ Тип и манера исполнения этой цепи из двух ломаных жгутов подобна орнаменту, присутствующему на карнизе под барабаном в церкви Спасителя в Ани (1035).

чертежи [21]. Полуподвальные помещения, выложенные регулярными рядами чисто тёсаного туфа, перекрыты цилиндрическими сводами. Задние помещения непосредственно упираются в скалу.

Дворец Саргиса

От следующего анийского дворца, располагавшегося к северо-западу от церкви Гагашен, сохранилась лишь часть стены, сложенной из чисто отёсанного жёлто-охристого туфа поверх пары нижних рядов камня темно-красного оттенка. Единственные декоративные детали присутствует в виде завершенных двух маленьких ниш с внутренней стороны стены и художественного оформления внешнего выступа, обозначающего лёгкое сужение внешней стены, скульптурным цветком-сталактитом, ниже которого выступающий угол скошен и завершён еще одним сталактитообразным элементом (Илл. 48–49). Такую эффектную декорацию угла встречаем не только вблизи описанного портала дворца Парона, но и на углу трапезной монастыря Агарцин (1248).

Ненамного лучшей сохранности была эта руина и в начале прошлого века. Важную подробность к описанию здания добавляет И. А. Орбели в своём путеводителе по городу Ани: «Во время раскопок 1905 г. тут были обнаружены части орнамента портала. Он был украшен мозаичной выкладкой красных шестиконечных⁸ звезд и черных ромбов; и звезды, и ромбы покрыты мелкой резьбой, причем особенно художественно выполнены звезды; рисунок самый разнообразный и вовсе не повторяющийся, по крайней мере, в звездах. На одной из звезд по углам расположены армянские инициальные буквы, составляющие имя Саргис. Вероятно, это имя мастера или владельца дома.

Звезды и ромбы хранятся во втором отделении музея, за исключением двух звезд, поднесенных Католикосу всех армян по лично им выраженному при посещении Ани желанию» [13, с. 34; 7, ил. 112–117].

Тораманян реконструировал здание одноэтажным. По центру фасада располагался арочный, на колонках портал, вписанный в необычно широкое, обрамленное профилем прямоугольное поле, поверхность которого покрывала инкрустация из разноцветных каменных плиточек, тех самых красных шестиконечных звезд и черных ромбов.

Фасады и торжественно оформленные порталы дворцов Парона и Саргиса свидетельствует о высокой степени развития декоративных приёмов гражданской архитектуры. С ними перекликается оформление двухъярусных порталов гостиниц в Ани⁹. Токарский считает, что на приведённых анийских примерах «зодчие нашли своё собственное, новое решение фасада без входной «сельджукской» ниши со ступенчатым сталактитовым верхом, широко распространенной в Малой Азии и встречающейся (преимущественно в XIV в.) кое-где в Армении, даже в церквях» [15, с. 259].

Архитектурные формы и стиль орнаментального убранства двух залов дворца Багратидов на вышгороде, порталных композиций дворцов Парона и Саргиса, анийской гостиницы указывают на строительство их в последнюю эпоху расцвета Ани, когда происходила активная интеграция с художественными основами восточного зодче-

⁸ Исправление мое — А.К. В тексте Орбели указано на пятиконечные звезды, однако на фотографиях, опубликованных Марром и на реконструкции портала Тораманяном видно, что речь должна идти о шестиконечных звездах [10, ил. 97–99].

⁹ Портал южной гостиницы реконструировал Тораманян [15, табл. 58; 18, рис. 162].

ства, преимущественно иранского. При этом речь не может идти о некоем влиянии. А только об участии армянских зодчих в разработке новых принципов и развитии собственного видения орнаментальных форм в рамках общевосточного глобального стиля¹⁰. В связи с этим примечательно замечание Марра: «Гражданская архитектура эпохи расцвета городской жизни Ани ... также представляет много общего с мусульманским искусством. Отождествлять их, хотя бы столь схожую орнаментовку резьбою, может лишь поверхностный наблюдатель: армянское, в частности, анийское, гражданское зодчество настолько самостоятельно, что чувствуется его обратное влияние на местных постройках — молеельнях мусульманского культа. Но не подлежит спору, что армянская гражданская архитектура так же близка к мусульманской на иранской почве, как грузинская светская поэзия к мусульманской литературе Персии», — отмечает Н.Я. Марр и далее вносит образное уточнение: «Кто хочет не только наслаждаться венцом древне-грузинской светской литературы, «Витязем в барсовой шкуре», но и понять его гениального творца Шоту из Рустава, тот должен знать историю художественных памятников армянского зодчества, особенно гражданского, в Ани; кто желает понять великих, в большинстве безымянных, анийских художников-архитекторов, их поразительные творения, тот должен углубиться в изучение грузинской романтической поэмы «Витязя в барсовой шкуре», этого шедевра средневековой поэзии христианского Востока» [10, с. 37]. Уточняя характер армянского зодчества той эпохи и его отношение к мусульманской иранской традиции, Марр одновременно проводит сравнение между армянским и грузинским искусством, фактически подсказывая нам отсутствие в грузинской архитектуре и декоративном искусстве культивирования форм, которые настолько же сильно, как в армянских памятниках, перекликаются с иранским искусством.

Заключительные замечания

Проведённый обзор способствовал выявлению нерешённых проблем и частных, касающихся отдельных памятников вопросов. Многие из них остаются по сей день открытыми, а некоторые только определяются в связи с расширившимися знаниями и новыми задачами в истории искусства. Решение многих вопросов требует пристального историко-архитектурного изучения памятников, с проведением архитектурно-археологических разысканий, а также обобщений на самых разных уровнях. Анализ дворцовых сооружений, как и других памятников Ани с позиций современных знаний осложняется разрушениями XX в. и не всегда удачными попытками реставрации. Полное отсутствие письменных источников о дворцах знати, как и о жилых домах в целом, ограничивает направленность исследований в пределах самих памятников архитектуры и тех описаний, которые содержатся в дневниках путешественников и учёных конца XIX — начала XX в.

И все же, даже нынешнее состояние памятников позволяет проверить зарождающиеся мысли, а также попробовать вновь осмыслить наследие анийских мастеров в контексте архитектуры эпох, озаглавленных на Ближнем Востоке византийской реконкистой, вторжением сельджуков, крестовыми походами и латинскими королевствами на христианском Востоке, расцветом и падением Киликийского Армянского

¹⁰ Обсуждение этой проблемы в последние годы приобретает все более основательный характер [19; 20; 6].

царства, владычеством империи монголов, тюркских и других мусульманских орд. Это были века не только тяжелых испытаний, но и творческого поиска новых форм самовыражения и возросшей степени взаимодействия архитектурных традиций. Последние раскопки в Ани, обнаружившие в 2022 и начале 2023 гг. большой комплекс бань к северу от кафедрального собора и мусульманское кладбище с основанием круглого мавзолея к югу от этого собора, вселяют уверенность в том, что под толщей культурного слоя сокрыто еще множество построек, среди которых должны быть и пока неизвестные нам дворцовые сооружения.

Литература

1. Арутюнян В.М. Մի քաղաքը (Город Ани). — Ереван: Айпетрат, 1964. — 95 с. (на арм. яз.).
2. Баева О. В., Казарян А. Ю. Жилища средневекового города Ани. Историография и результаты исследований // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 12 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. — С. 123–134. DOI: 10.18688/aa2212-01-07
3. Вруйр А. В Ани (Մի քաղաքը). — Ереван: Советакан грох, 1979. — 119 с. (на арм. яз.).
4. Казарян А. Ю., Лошкарева Е. А. Памятник средневекового армянского зодчества. Церковь во Внутренней крепости (Ахчкаберд) Ани // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2019. — Вып. 12. — С. 100–123.
5. Казарян А. Ю. Новые данные о куполах храмов Ани. Часть третья. Стратиграфия барабана церкви Спасителя // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2020. — Вып. 14. — С. 57–80.
6. Казарян А. Ю. Архитектурные особенности притвора церкви Тиграна Оненца в Ани // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2023. — Вып. 20. (в печати).
7. Карапетян С. Ани – 1050. Иллюстрированный альбом. — Ереван: Фонд изучения армянской архитектуры, 2011 — 264 с. (на арм., англ. и рус. яз.).
8. Лошкарева Е. А. Ктиторская композиция в скульптурном декоре церковей начала Закардидской эпохи в Ани // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 13 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — М.: МГУ имени М.В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2023. — С. 200–212. DOI: 10.18688/aa2313-2-16
9. Макарова А. Л. Изучение монументальной живописи анийских памятников в конце XIX – начале XX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 13 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — М.: МГУ имени М.В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2023. — С. 229–243. DOI: 10.18688/aa2313-2-18
10. Марр Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. — М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1934. — 136 с. + 58 с. ил.
11. Медведева М. В. Шестнадцать Анийских кампаний Н. Я. Марра: репрезентативность фотодокументов в архивном собрании ИИМК РАН // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 13 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — М.: МГУ имени М.В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2023. — С. 213–228. DOI: 10.18688/aa2313-2-17
12. Муравьев А. Н. Грузия и Армения. — Т. II. — СПб.: Тип. III отдел. собств. Е. И. В. канцелярии, 1848. — 331 с.
13. Орбели И. А. Краткий путеводитель по городищу Ани (Анийская серия, 4). — СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1910. — 45 с.
14. Орбели И. А. Развалины Ани. История. Современное состояние. Раскопки — СПб: Изд. журнала «Нева», 1911. — 55 с.
15. Токарский Н. М. Архитектура Армении IV–XIV вв. — Ереван: Армгосиздат, 1961. — 388 с.
16. Тораманян Т. Материалы по истории армянской архитектуры (Նյութեր հայկական Բարձրագույն արվեստի պատմության). — Т. 1. — Ереван: АРМФАН, 1942. — 403 с.; — Т. 2. — Ереван: АРМФАН, 1948. — 307 с. (на арм. яз.).
17. Тораманян Т. Ани. Памятники цитадели. (Մի քաղաքի պաշտպանության հուշարձանները). — Ереван: СИ-

- АМЗОИС, 2016. (на арм., рус. и англ. яз.). — 248 с.
18. Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении (жилые и общественные здания). — М.: Изд-во лит-ры по строительству, 1971. — 246 с.
 19. Donabédian P. Ani Multicultural Milieu and New Trends in Armenian Architecture during Queen Tamar's Period // International conference "Ani at the Crossroads" / Ed. Z. Skhirtladze (Tbilisi, 17–18 November, 2017). — Tbilisi: Ivane Javakhsishvili State University, 2019. — P. 121–152.
 20. Donabédian P. Armenia – Georgia – Islam. A Need to Break Taboos in the Study of Medieval Architecture // *L'arte armena. Storia critica e nuove prospettive / Studies in Armenian and Eastern Christian Art / A cura di A. Ferrari, S. Riccioni, M. Ruffilli, B. Spampinato*. — Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2020. — P. 63–112.
 21. Karamağaralı B. 1991 Ani kazıları // XIV. Kazı sonuçları toplantısı, II. — Ankara, 1992. — S. 509–538 (на тур. яз.).
 22. Karamağaralı B. Ani Ulu Cami (Manuçehr Camii) // 9. Uluslararası Türk Sanatları Kongresi (9th International Congress of Turkish Art). — Ankara, 1995. — S. 323–338 (на тур. яз.).
 23. Kazaryan A., Özkaya İ. Y., Pontioğlu A. The Church of Surb Prkich in Ani (1035). Part 1: History and Historiography – Architectural Plan – Excavations of 2012 and Starting of Conservation // *RIHA Journal* 0144, 15 November 2016. URL: <https://journals.ub.uni-heidelberg.de/index.php/rihajournal/article/view/70195> (дата обращения: 03.08.2022).
 24. The destruction of the Merchant's Palace // *VirtualAni*. URL: <http://www.virtualani.org/history/restorations.htm>
 25. Villari L. Fire and Sword in the Caucasus. — London: T.F. Unwin, 1906. — 347 p.

Название статьи. Дворцовые постройки Ани. Предварительные итоги изучения

Сведения об авторах. Баева, Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ). Ярославское шоссе, 26, Москва, Российская Федерация, 129337; доцент. Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета, Большая Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 344006; olabaeva@mail.ru; SPIN-код: 3471-3037; ORCID: 0000-0002-0808-9842

Казарян, Армен Юрьевич — доктор искусствоведения, директор. Институт архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ). Ярославское шоссе, 26, Москва, Российская Федерация, 129337; armenkazaryan@yahoo.com; SPIN-код: 9008-1375; ORCID: 0000-0002-8039-207X

Аннотация. Возобновление спустя столетие комплексных исследований архитектуры Ани, столицы и крупнейшего города средневековой Армении, требует обращения ко всем сторонам развития анийской школы зодчества, ярко проявившей свои лучшие качества не только в церковной, инженерной, фортификационной архитектуре, но и в создании дворцов. В Ани в плохой степени сохранности до наших дней дошли дворцовые комплексы и здания, каждое из которых заслуживает отдельного исследования. Но для выявления состояния, степени изученности материала и определения необходимой направленности такой работы потребовался аналитический обзор всей совокупности памятников, на что нацелена настоящая статья. При отсутствии письменных источников о строительстве дворцов, первостепенное значение имеют отчеты о проведении раскопок и описания, составленные в годы работы в Ани экспедиции под руководством Н.Я. Марра, когда постройки были в значительно лучшем состоянии и давали возможность выдвижения реконструкций их композиций и значимых архитектурных форм. В статье приводятся наблюдения и фотографии авторов, сделан-

ные во время посещений Ани за последние годы. Описания памятников осуществлены в соответствии с относительной хронологией их строительства. Обращено внимание на те особенности планировки, строительной техники и художественного оформления, которые представляются авторам наиболее ценными и определяющими направленность дальнейших археологических и архитектурных исследований. Обсуждены дискуссионные вопросы о дворцовой функции некоторых сооружений Ани, мнения ученых по поводу проявления разных сторон архитектурного творчества, непосредственно связанных с глобальными трансформациями архитектурных традиций на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: городище Ани, дворцы, архитектура средневековой Армении, эпоха Багратидов, эпоха Закаридов, Н.Я. Марр, Т. Тораманян

Title. Palace Architecture of Ani: Preliminary Results of the Study¹¹

Authors. Baeva, Olga V. — Ph. D, associate professor. Institute of Architecture and Urban Planning of the Moscow State University of Civil Engineering (MGSU), National Research University. Yaroslavskoye Shosse, 26, 129227 Moscow, Russian Federation; assistant professor. Academy of Architecture and Arts of the Southern Federal University. Bolshaya Sadovaya ul., 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; olabaeva@mail.ru; SPIN-code: 3471-3037; ORCID: 0000-0002-0808-9842

Kazaryan, Armen Yu. — full doctor, director. Institute of Architecture and Urban Planning of the Moscow State University of Civil Engineering (MGSU), National Research University. Yaroslavskoye Shosse, 26, 129227 Moscow, Russian Federation; armenkazaryan@yahoo.com; SPIN-code: 9008-1375; ORCID: 0000-0002-8039-207X

Abstract. A century later, the resumption of comprehensive studies of the architecture of Ani, the capital and the largest city of medieval Armenia, requires an appeal to all sides of the development of the Ani school of architecture, which clearly showed its best qualities not only in church, engineering, and fortification architecture, but also in the building of palaces. In Ani, palace complexes and buildings, each of which deserves a separate study, have reached our days in a poor state of preservation. But in order to identify the condition, level of analysis, and needed direction for this work, it requires an analytical review of the entire set of monuments, and this is what this article aims to accomplish. In the absence of written sources regarding the construction of palaces, the reports on excavations and descriptions compiled during the years of work in the Ani expedition led by Nikolai Y. Marr are crucial. These reports were made when the buildings were in much better condition and it was possible to advance reconstructions of their compositions and significant architectural forms. The article presents observations and photographs taken by the authors during their visits to Ani in recent years. The monuments have been described in accordance with the relative chronology of their construction. Attention is drawn to those features of the layout, construction equipment, and decoration which appear to the authors to be the most valuable and which determine the direction of further archaeological and architectural research. Debatable issues concerning the function of some of the Ani structures, the opinions of scientists on the manifestation of various aspects of architectural creativity directly related to the global transformations of architectural traditions in the Middle East have been discussed.

¹¹ The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00354, in the Moscow State University of Civil Engineering (MGSU), National Research University.

Keywords: Ani settlement, palaces, architecture of medieval Armenia, Bagratid period, Zakarids period, N. Marr, T. Toramanian

References

Baeva O. V.; Kazaryan A.Yu. Dwellings of the Medieval City of Ani. Historiography and Research Results. Zakharova A.; Maltseva S.; Staniukovich-Denisova E. (eds). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 12. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2022, pp. 123–134. DOI: 10.18688/aa2212-01-07 (in Russian).

Donabédian P. Ani Multicultural Milieu and New Trends in Armenian Architecture during Queen Tamar's Period. Skhirtladze Z. (ed.). *International conference "Ani at the Crossroads"*, (Tbilisi, 17–18 November, 2017). Tbilisi, Ivane Javakishvili State University Publ., 2019, pp. 121–152.

Donabédian P. Armenia – Georgia – Islam. A Need to Break Taboos in the Study of Medieval Architecture. *L'arte armena. Storia critica e nuove prospettive. Studies in Armenian and Eastern Christian Art*. Venezia, Edizioni Ca' Foscari Publ., 2020, pp. 63–112.

Harutiunian V. *Ani kaghake. Midjnadarian Haiastani kaghakashnutian patmutiunits (The City of Ani. From the History of Urban Planning in Medieval Armenia)*. Yerevan, Haipethrat Publ, 1964. 88 p. (in Armenian).

Karamağaralı B. 1991 Ani kazıları. *XIV. Kazı sonuçları toplantısı, II*. Ankara, 1992, pp. 509–538 (in Turkish).

Karamağaralı B. Ani Ulu Cami (Manuçehr Camii). 9. *Uluslararası Türk Sanatları Kongresi (9th International Congress of Turkish Art)*. Ankara, 1995, pp. 323–338 (in Turkish).

Karapetyan S. *Ani –1050: Illustrated album*. Yerevan, Research on Armenian Architecture Foundation Publ., 2011 (in Armenian, in English and in Russian).

Kazaryan A.; Özkaya İ. Y.; Pontioğlu A. The Church of Surb Prkich in Ani (1035). Part 1: History and Historiography — Architectural Plan — Excavations of 2012 and Starting of Conservation. *RIHA Journal* 0144, 15 November 2016. Available at: <https://journals.ub.uni-heidelberg.de/index.php/rihajournal/article/view/70195>; DOI: 10.11588/riha.2016.0.70195 (accessed 09 October 2023).

Kazaryan A. Yu.; Loshkareva E. A. A Monument of the Medieval Armenian Architecture. Church in the Inner Fortress of Ani. *Questions of the History of World Architecture*, vol. 12, 2019, pp. 100–123 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. New Data on the Cupolas of Ani's Churches. Part three. Stratigraphy of the Tholobate of the Redeemer Church. *Questions of the History of World Architecture*, vol. 14, 2020, pp. 57–80 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. Architectural Peculiarities of the Zhamatun of the Church of Tigran Honents in Ani. *Questions of the History of World Architecture*, vol. 20, 2023, in print (in Russian).

Khalpakhchian O. Kh. *Grazhdanskoe zodchestvo Armenii (Zhilye i obshchestvennye zdaniia) (Civil Architecture of Armenia (Residential and Public Buildings))*. Moscow, House of Literature on construction Publ., 1971. 248 p. (in Russian).

Loshkareva E. A. Donor Portraits in the Sculptural Decoration of the Early Zakarid Era Churches in Ani. Zakharova A.; Maltseva S.; Staniukovich-Denisova E. (eds). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 13. Moscow, Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP-Print Publ., 2023, pp. 200–212. DOI: 10.18688/aa2313-2-16 (in Russian).

Makarova A. L. The Study of Wall Painting of Ani Monuments in the Late 19th – Early 20th Century. Zakharova A.; Maltseva S.; Staniukovich-Denisova E. (eds). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 13*. Moscow, Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP-Print Publ., 2023, pp. 229-243. DOI: 10.18688/aa2313-2-18 (in Russian).

Marr N. Ia. *Ani. Knizhnaia istoriia goroda i raskopki na meste gorodishcha (Ani. Book History of the City and Excavations at the Site of the Settlement)*. Moscow; Leningrad, State Socio-Economic Publishing House Publ., 1934. 133 p. (in Russian).

Medvedeva M. V. Sixteen Ani Campaigns by Nikolai Marr: The Representativeness of Photographic Documents in the Archival Collection of IHMC RAS. Zakharova A.; Maltseva S.; Staniukovich-Denisova E. (eds). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 13*. Moscow, Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP-Print Publ., 2023, pp. 213-228. DOI: 10.18688/aa2313-2-17 (in Russian).

Toramanian T. *The Monuments of Ani Citadel*. Yerevan, 2016. 248 p. (in Armenian, in Russian and in English).

Илл. 42. Ани. Дворец Багратидов на вышгороде. Современный вид северной половины руин с востока. Фото: А. Казарян, 2005

Илл. 43. Ани. Дворец Багратидов на вышгороде. Импост северо-восточного пилона северо-западного зала. Фото: А. Казарян, 2023

Илл. 44. Ани. Дворец Багратидов на вышгороде. Импост одного из средних пилонов северо-западного зала. Фото: А. Казарян, 2022

Илл. 45. Ани. Дворец Парона. Общий вид с юго-запада. Фото: А. Казарян, 2013

Илл. 46. Ани. Дворец Парона. Ниша в центральном зале. Фото: А. Казарян, 2015

Илл. 47. Ани. Дворец Парона. Портальная композиция. Фото: А. Казарян, 2013

Илл. 48. Ани. Дворец Саргиса. Остаток стены. Фото: А. Казарян, 2013

Илл. 49. Ани. Дворец Саргиса. Декоративная деталь. Фото: А. Казарян, 2013